

Во взгляде Чжан Вэня не было злого умысла, и Се Сицзэ, обладая более чуткой интуицией, чем обычные люди, это почувствовал. Он сухо отозвался:

— Ага.

И больше не стал продолжать разговор.

Однако он был благодарен Чжан Вэню. В незнакомом месте, где он оказался, кто-то был готов ему помочь. Се Сицзэ знал, что его характер мог быть весьма трудным, и не каждый смог бы с ним справиться. Поэтому спустя некоторое время он тихо сказал Чжан Вэню:

— Спасибо.

В тот момент, когда Се Сицзэ выражал благодарность, люди, отправленные Сун Ле, уже нашли того, кто передал ему билет на автобус.

Узнав, что Се Сицзэ вернулся в деревню Ляньхуа, Сун Ле немедленно приказал отправиться туда на машине. Он собирался лично вернуть Се Сицзэ.

Помощник, сопровождавший его, взял инициативу на себя. Их начальник в последнее время был очень занят, и выделить время на поиски одного человека было равносильно тому, чтобы бросить деньги в огонь.

Сун Ле прервал его:

— Работу я разберу в машине.

Деньги можно заработать в любое время, но человек, которого он вырастил, был только один.

Сун Ле не мог понять, почему Се Сицзэ внезапно ушел, не сказав ни слова. Но он лично собирался вернуть его, и если Се Сицзэ не хотел возвращаться, то, независимо от методов, он больше не отпустит этого ребенка.

Все, что хотел Се Сицзэ, он получал. И то, что давал Сун Ле, Се Сицзэ должен был принимать.

В семь тридцать машина въехала в деревню Ляньхуа. В отличие от северных городов, где темнеет рано, на юге сумерки наступают позже. В это время небо еще было слегка светлым, и только к восьми вечера оно полностью погрузится во тьму.

Из автобуса вышло несколько человек. Водитель заглушил двигатель и поспешил выйти, чтобы подышать свежим воздухом. После вечера ветер стал прохладным, и Се Сицзэ, дождавшись, пока водитель уйдет, вышел последним. Он провел весь день в душном автобусе, его тело было покрыто потом, и он чувствовал себя измотанным, шаги его были неуверенными.

Се Сицзэ вышел из автобуса и прислонился к нему, чтобы отдохнуть. Вдруг рядом появился человек, что заставило его вздрогнуть.

Это был тот самый молодой человек, который заступился за него в автобусе. Се Сицзэ был человеком, который четко разделял людей на друзей и врагов. Он запоминал тех, кто был к нему добр, и тех, кто его обижал. Молодой человек помог ему, поэтому Се Сицзэ не стал показывать холодность, а спокойно смотрел на него, ожидая, что тот скажет.

Молодой человек улыбнулся, его речь была на путунхуа с местным акцентом, что звучало немного неуклюже, но тон был дружелюбным:

— Здравствуйте.

Се Сицзэ кивнул и без особых эмоций ответил:

— Спасибо за то, что выручили меня.

С этими словами он достал из кармана сдачу, оставшуюся после покупки воды, и протянул Чжан Вэню десять юаней в знак благодарности.

Он не взял с собой много наличных, и чтобы обосноваться в деревне Ляньхуа, нужно было иметь при себе немного денег на случай нужды. Се Сицзэ знал, что теперь ему нужно быть экономным и не тратить деньги так же свободно, как раньше.

Чжан Вэнь оттолкнул деньги, казалось, что такой прямой способ благодарности вызвал у него неловкость:

— Не нужно, это Седьмая мама была неправа, хотела обмануть тебя, увидев, что ты вернулся из города.

Се Сицзэ молча убрал деньги, не комментируя произошедшее.

Скоро стемнеет, и Се Сицзэ собирался к своей бабушке.

Они пошли по деревенской дороге. Вокруг были горы, на дороге виднелся коровий навоз, и нужно было быть осторожным, чтобы не наступить. Деревня отличалась от города. Хотя ночь еще не наступила, на небе уже появились слабо светящиеся звезды, небо было бескрайним, а свежий воздух наполнял легкие простым, приятным ароматом, который расслаблял. Се Сицзэ с детства жил с отцом в городе, а позже его взял на попечение Сун Ле, поэтому он редко сталкивался с такой обстановкой.

Он осторожно обходил навоз на дороге и, заметив улыбку на лице Чжан Вэня, хотя и без злого умысла, почувствовал себя неловко. В присутствии посторонних он всегда старался сохранить лицо, и ему показалось, что Чжан Вэнь смеется над ним. Лицо его стало холодным:

— Смешно?

Чжан Вэнь смущенно почесал голову:

— Извини, я не это имел в виду.

Се Сицзэ промолчал, некоторое время они шли по дороге, затем он спросил:

— Вы знаете, где живет Сюй Гуйхуа?

Деревня Ляньхуа была небольшой, большинство трудоспособного населения уехало на заработки, а оставшиеся старики хорошо знали друг друга. Услышав вопрос, Чжан Вэнь сразу ответил:

— Ты имеешь в виду бабушку Гуйхуа?

Се Сицзэ кивнул:

— Она моя бабушка. Если не сложно, не мог бы ты показать мне дорогу?

Его вежливое поведение заставило Чжан Вэня немного смутиться. Он потер руки и с улыбкой сказал:

— Не стоит благодарности, деревня Ляньхуа маленькая, все здесь живут рядом, я провожу тебя.

— Спасибо.

Он поблагодарил в третий раз. Хотя его характер был гордым, он не скупился на выражение благодарности. Чжан Вэнь пошел вперед, показывая дорогу и рассказывая о деревне. Они шли между серых стен и черных черепиц около десяти минут, когда Чжан Вэнь остановился у небольшого двора и указал на ворота:

— Здесь живет бабушка Гуйхуа.

Он заметил, как Се Сицзэ снова полез в карман за деньгами, и поспешно отступил на два шага:

— Братец, уже поздно, я пойду.

Се Сицзэ молча убрал руку:

— Меня зовут не «братец», а Се Сицзэ.

Он начал стучать в дверь и через минуту услышал шаги изнутри.

Се Сицзэ увидел свою бабушку. Пожилая женщина была уже в годах, но ум ее еще не совсем затуманился. Се Сицзэ был похож на отца, особенно глазами. Увидев его, бабушка Гуйхуа сразу воскликнула:

— Яньцзай!

Она говорила на диалекте, но Се Сицзэ легко понял ее. Он посмотрел на нее и мягко сказал:

— Бабушка, это я, Сяоцзэ.

Сюй Гуйхуа всю жизнь прожила в поселке Унань, и под влиянием эпохи ее взгляды были довольно консервативными. В молодости она была очень скромной и покорной деревенской женщиной. Родив Се Яня, она хотела просто жить с ребенком в деревне. Однако с развитием времени молодые люди стали стремиться уехать на заработки, но Сюй Гуйхуа не хотела, чтобы ее ребенок уезжал. Когда Се Янь вырос и решил уехать учиться и работать, она разозлилась и назвала его неблагодарным сыном. Только после того, как Се Янь женился и привез жену и ребенка несколько раз показать ей, ее гнев постепенно утих.

Бабушка Гуйхуа не видела Се Сицзэ два года, и, увидев перед собой молодого внука, она едва узнала его. Она вспомнила, что ее сын ушел много лет назад, и прошло так много времени, что она даже не могла вспомнить, сколько именно.

Се Сицзэ понял, что бабушка пришла в себя:

— Бабушка, я вернулся, чтобы заботиться о тебе.

Бабушка Гуйхуа с радостью ввела его в дом. В это время она уже собиралась спать, но из-за приезда Се Сицзэ она с энтузиазмом начала хлопотать. Се Сицзэ, конечно, не стал ее утруждать, и через полчаса, когда ее пыл утих, он проводил ее в комнату, чтобы она отдохнула.

Во дворе было две комнаты, одна из которых когда-то принадлежала Се Яню. Се Сицзэ, чувствуя усталость, убрал комнату и лег спать. Было уже больше половины одиннадцатого.

В деревне люди рано ложились спать, к девяти вечера большая часть деревни уже погружалась в темноту. В это время все уже спали, вокруг было тихо, только в траве слышалось стрекотание насекомых. Се Сицзэ слушал их и невольно подумал о Сун Ле.

Всю ночь Се Сицзэ ворочался, не мог уснуть. Новая обстановка вызывала у него чувство непривычности. К трем-четырем часам утра он был уже очень уставшим, его тело и разум были напряжены, и ему не хватало чего-то, что могло бы его расслабить.

В конце концов, он вынужден был засунуть руку в штаны и заняться тем, что любят делать все мальчики. Он думал, что после этого сможет уснуть.

С этими мыслями он начал двигаться все быстрее, и когда все закончилось, он лежал на холодной бамбуковой циновке, тяжело дыша. В последний момент в его пустом сознании вдруг возник образ Сун Ле.

Он вышел во двор, чтобы набрать воды и обтереться, и, закрывая глаза, пробормотал:

— Старый ублюдок.

Се Сицзэ думал, что он забудет Сун Ле, и в следующий раз, когда он будет заниматься этим, он не будет думать о нем, чтобы возбудиться.

Старый ублюдок Сун Ле уже был на пути в деревню Ляньхуа. Закончив с рабочими письмами, он открыл секретную папку и начал просматривать фотографии одну за другой. Там были все снимки Се Сицзэ и его.

Сун Ле не любил фотографироваться, и все эти снимки были сделаны благодаря тому, что Се Сицзэ упрашивал его. На одной из фотографий Сун Ле переодевался, а на его спине висел смеющийся светлокожий подросток, похожий на обезьяну, обвившуюся вокруг него. По губам можно было понять, что он кричал:

— Гоп!

<http://bllate.org/book/16434/1489635>